
ЭССЕ О НАСТОЯЩЕМ

С. В. ПРОЖОГИНА

ПЛАЧ ПО ЯРОСЛАВНЕ, ИЛИ РАЗНОГОЛОСИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Субъект внимания

Это не статья, конечно, так, заметки на полях одной международной конференции, проходившей недавно в Институте Африки РАН. И на сей раз, как и на других научных мероприятиях этого уважаемого государственного учреждения, меня задела особая отметина (иначе и не скажешь, разве что на модном ныне языке – «маркер»), вносящая некую, по-моему, фальшивую ноту в многоголосье докладов, посвященных весьма актуальным проблемам. Но эта нота чрезвычайно характерна для резко меняющегося климата – и повсюду, и в сфере научного общения в России. А язык человеческого общения – важен.

Я в последние двадцать лет (особенно) стала замечать, что многое, усвоенное как образцы научного общения еще в недрах родного МГУ имени Ломоносова, потом – Сорбонны и, конечно, других европейских и североафриканских университетов, давно развивавшейся отечественной африканистики, в строгих границах отдела культуры Института Африки, отдела литературы Института востоковедения и в Институте мировой литературы РАН, как-то резко отличается от внезапных приступов всеохватывающей страсти иных коллег к овладению каркасом так называемой «современной терминологии», выхваченной из рук преимущественно американской науки и ее последователей. А порой из рук с уже давно угасающим факелом французского структурализма, «постмодернизма» и прочих направлений, сложившихся, к слову, не без влияния и рус-

ского «авангардизма». Нет, я не против «непробиваемой крыши» этого каркаса – она не мешает устойчивому фундаменту научного знания; и стены отечественной науки, конечно, не рухнут. Но спрашиваю, однако, и себя, и других, а как это можно: сидеть только на крыше, жить только в корсете, и никогда (или практически никогда) не позволять себе заглянуть, скажем, на землю, ту, которую изучаешь, опустить горделивую свою голову или спину вниз и напиться или просто хлебнуть водицы если даже не из истоков Знания, то хотя бы из родного колодца?

Вот, взгляните: это только недавний «дискурс» уже весьма долго работающего исследователя, то есть того, кто «ищет» хотя и на удалении от академических центров, однако активно продвигает в Институте Африки свое видение континента с высот древних и прекрасных башен русской провинции. Голос ее (провинции) слышен на Руси давно, и он дал немало имен отечественной культуре, литературе, естественной науке и далее везде. И сегодня грех его не услышать, это даже стало престижным, а порой и целеполагающим для многих. Это называется активным сотрудничеством. Но вот манера его, стиль, так сказать, «всеохватности» без разбора, только с подачи «голоса», льющегося из недр России, вряд ли соответствуют уровню именно отечественной науки. Не следует даже с самыми лучшими намерениями, даже сейчас, в эпоху, когда «все цветы расцвели», не замечать (или попросту терпеть) то, что абсолютно поверхностно, произвольно, «по касательной», а порой и преднамеренно вызывающе (или, как принято в жестких тисках каркаса вошедшей в моду западной терминологии, в знакомой манере этакого элоквентного эксгибиционизма излагать и докладывать то, что полно изъянов, лакун, что абсолютно «не вяжется», как нынче принято говорить, ни с реальным предметом, ни с объектом исследования, а значит, не может служить «детерминантом» объема претензий на «современное знание»).

Знание вообще, конечно, может быть просто отброшено в сторону. Ведь важен, видно, сам полет над ним, хотя порой этот полет уже и проходит, увы, над почти опустошенным гнездом российской гуманитарной науки.

Пример особой яркости именно такой поступи «современной африканистики» (меня еще интересующей, ибо я и начинала свои исследования по литературе Северной Африки, и пока продолжаю их) – в работе одной из секций XV международной конференции,

прошедшей в Институте Африки РАН в мае 2021 г. Называлась эта секция прежде «Автобиография как нарратив постколониальной эпохи», а в поздней, видимо, редакции, – «Африканские мемуары как нарратив эпохи», и привлекла мое внимание (хотя я участвовала в другой) своим волнующим коктейлем из давно знакомых ароматов литературы, истории и политики, называемым междисциплинарностью.

Но вот «расшифровка» этого явления уже насторожила, ибо оказалось, что выходит в свет **на рубеже XX–XXI вв.** в странах Африки, «прежде всего Тропической», «огромное количество» мемуаристики, прежде всего автобиографической, претендующей, по мнению руководителя секции Т. М. Гавристовой, на «объективность, достоверность и историзм». Это явление связано с тем, что «профессиональные историки, дефицит которых *наблюдается во многих странах*», *не справляются со своей задачей*, и миссию написания *Истории Африки* берут на себя политические и государственные деятели, но **более** всего – писатели и публицисты, а в настоящее время – *блогеры и фрилансеры*.

С другой стороны, полагает Т. М. Гавристова, «вековое развитие жанра *устных историй* в условиях *массовой грамотности* (здесь и далее выделено мной. – С. П.) повлекло за собой актуализацию создания их письменных фиксаций», «*обновленных и соответствующих времени, адаптированных к условиям медиатизации и дигитализации*».

Для тех, кто не пользуется интернетовским словарем, для родителей, которые учатся говорить на «языке будущих поколений», то есть на языке своих детей, которых, видимо, кто-то Чужой взрастил, пусть этот текст остается неким образцом умения разговаривать с аудиторией, которая уже разучилась различать смыслы, но активно стала привыкать к языку, где русские слова в значении явлений **вытесняются** американизмами, где тренды, бренды и каршеринг, тендеры и прочие мемы и хештеги не просто засорили или даже насытили или утолили страсть к «обновлению», но и **заместили** «великий и могучий» когда-то родной язык. Не осели, как некогда в русском, многие тюркские или другие необходимые (ибо означаемое – в семиотике всегда шире означенного) заимствования и древнегреческие, и латинские, и французские, отсылающие тоже к латыни, но именно **вытеснили** и **заместили**.

Для гуманитариев, овладевших всеми возможными «замещениями» в целях, прямо скажу, довольно прагматичных, обусловленных якобы возможностью быть понятыми на всякого рода международных конференциях, замечу, что ни в одной стране мира, полагаю, не принято участие докладчиков на значимых мероприятиях без переводчиков, а если и случаются такие мероприятия, то доклады обычно делаются на языке той страны, где проходит мероприятие и язык которой понятен или знаком хотя бы докладчику.

Разумеется, для переводчика на английский – один из международных языков – обилие слов «типа того» на нем облегчает задачу. Французам придется переводить уже – таков закон – на родной язык. Ведь там даже слово «компьютер» называют *по-своему* (*ordinateur*), как и слово «глобализация» (*mondialisation*); с «дигитализацией», конечно, они разберутся, как-никак это их, родное, «пальчиковое», на ощупь знакомое. Да и испанцам придется потрудиться над «хештегами» и прочими штучками языка «международного общения». Естественно, китайцы **все** озвучат по-своему. Но меня мало, в общем-то, волнует «мировой резонанс» (цитата из Игоря Северянина), – я участвовала во многих международных конгрессах – от Москвы до Монреаля, от Александрии до Казани, от Праги и Братиславы до Бангкока, мне моих докладов достаточно. И владею я несколькими языками.

Но если уж всерьез о «великом и могучем» русском языке, напомним ярославцам (или ярославкам, или Ярославнам? Нет, конечно. Ведь та – из Путивля...) ¹, что даже «во дни сомнений» и «тяжелых раздумий» о судьбах своей Родины Иван Сергеевич Тургенев, проживший в Париже лучшие годы своей жизни и умеревший там, писал всегда по-русски и для России... Да и Николай Васильевич Гоголь, долгие годы наблюдая Отчизну свою из «прекрасного далека» (в том числе бесконечно любимой мною Италии, где довелось прожить нелегких 10 лет), различал ее стремительный бег в ту даль, когда будут перед ней «расступаться народы и государ-

¹ Я уточнила гендерный акцент неслучайно. В ярославской школе африканистики с феминизмом все отлажено. Однако я все еще не понимаю, что это за страсть такая – уже повсюду – к некоему женскому пьедестальству, то есть к такому «стоянию» над полом мужским, что просто поражаешься силе женского упорства *противостояния естественному порядку вещей*. Но это, видимо, удел весьма озабоченных сохранением своей независимости женщин.

ства»... Хотя и знал, что в «птице-тройке» будут сидеть и мошенники Чичиковы, и дремучие Селиваны...

Но это так, à propos. А если всерьез, как это в стране Нигерии, на опыт развития которой опирается Ярославна, где и «*массовая грамотность*» (видимо, усилиями Ибаданского, то бишь филиала Кембриджского университета), и государственным языком является *английский*, до сих пор не знают, что «нарратив» (то бишь просто «повествование») «постколониальной эпохи» начался куда ранее, чем конец XX – начало XXI в. – в романах, а не мемуарах их соотечественников Ч. Ачебе и В. Шоинки? Или, может быть, приустан от англоязычия, нигерийцы обратились к родным, исконным языкам и стали писать на них? Вернулись к своему природному «нарративу»? Заполнили рынок массовой литературой, которую и читать-то неинтересно, ибо она – не художественная? Вот и стали африканцы писать изысканную мемуаристику пером политиков. (Особо отличают Ярославны ганских, сенегальских, малийских, юаровских и др., забыв, что именно поэзия Л. Сенгора, которая тоже, куда ранее, стала одним из детерминантов – важным! – эпохи пробуждения национального сознания в Африке.) А почему забыли Ярославны бесчисленные мемуары всех тех, кто когда-то создавал свой *Образ Африки* еще в колониальное время? (Одних мемуаров видных военных, «губернаторов» всякого рода, путешественников, да и просто писателей – на Западе было немерено, да и в уже возвращенном в колониальное время отряде автохтонной интеллигенции – тоже немалое количество, ибо **Образ Африки** и написание ее «*подлинной истории*» было пока еще делом будущего, а вот восприятие ее складывалось постепенно, хотя именно «*мемуаристика*» как жанр отличалась особой **субъективностью** взгляда. И формирование «нарратива» современной эпохи шло **повсюду** в колониальных обществах совсем в других «историях». Разве не знакома Т. М. Гавристова с примерами поэзии эпохи национально-освободительной борьбы, практически развивавшейся во всех странах Африки и даже переведенной на русский язык замечательными нашими поэтами в 60–70-е гг.? Я уже не говорю об огромном количестве африканской публицистики и даже философии тех лет, широко известном всем, кто изучал историю формирования национального сознания в различных регионах этого континента.

Но ссылаясь именно на мемуары, достаточно хорошо и издавна знакомые и русскоязычным африканистам имена политиков Кваме

Нкрума, Леопольда Седара Сенгора, Нельсона Манделы, таких крупных писателей, как Чинуа Ачебе, Воле Шойинка и многие другие, руководитель секции утверждает, что в поле зрения именно этих авторов мемуаров попали *все ключевые слова и события* и борьбы за независимость, и обретения суверенитета, и становления государственности, а также истории апартеида, современной гражданской войны в Нигерии, геноцида в Руанде и т. д. и т. п. Возможно, Т. М. Гавристова может себе позволить это утверждение, ибо знает, видимо, **все**, что связано с новейшими страницами в истории Африки. Но я припоминаю, что руководитель секции когда-то обсуждала свою докторскую диссертацию в ИМЛИ им. Горького. И уже тогда, лет 20 назад, ученые упрекали автора в незнании основных текстов постколониальной эпохи и ее *ярких представителей* в лице интеллигенции, художников Слова, умеющих реальность «типизировать», а значит, находить «ключевые слова» (не для их издания в Scopus) и фиксировать как *общезначимые* события (не только политические, но и социопсихологические, и социокультурные) своей национальной истории. Здесь еще бы и добавить слово, теперь обязательное – умеющих писать некие «аннотации» своего Времени...

Но что значит Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук в сравнении с Ибаданским университетом для тех, кто считает «африканскими политиками» заезжих туда темнокожих «профессоров», живущих в США, Англии и прочих странах с довольно странными и узкими для общественных деятелей специализациями – афрополитизм, афроцентризм и пр.? (Имею в виду одно из выступлений Т. М. Гавристовой на гендерной секции в Институте Африки.)

Но и сегодня, читая тезисы исследовательницы, вижу такое обобщающее название: ««Африканская автобиография»: мега- или метажанр?» (И сразу же замечу, что по-русски обе эти древнегреческие приставки – однозначно «очень большие».) По поводу же «мега-» и «мета-» текстов или, тем более, «жанров» разговор вообще должен быть долгим, поскольку значимость этой формы для *целой эпохи* отмечается только **в сравнении** с контекстом всего предшествующего (в том числе и эволюции *жанров*) и окружающего. Но ни в одном исследовании ярославской школы африканистов этого не наблюдается. Для этого как минимум надо знать иные свидетельства о своей эпохе, и документальные, и художествен-

ные, опираться не только на труды политических лидеров и их мемуары, но и на тот ответ своему времени, который давал и другой слой пишущей интеллигенции в странах Африки, выражавший и отражавший повседневные заботы и цели своих народов. Тем более это необходимо в условиях «массовой грамотности» и отсутствия «профессиональных историков», как замечает Т. М. Гавристов. Для примера: в Алжире, да и в странах Северной Африки, уже с 40–50-х гг. XX в. был целый «национальный» отряд отменных бытописателей и фиксаторов устных историй, а также тех, кто их «переделывал» в литературные тексты, романтических поэтов, публицистов, философов и начинающих историков, бросавших свой вызов колониальной эпохе. Но «мега»текстом всех типов «нарратив» и «дискурсов» стал роман «Неджма» Катеба Ясина (см. исследования отечественных и зарубежных исследователей), и именно африканский **роман** в целом стал «мегажанром» своей эпохи.

Однако читаем: «Африка – это не страна» – подобного рода хештеги в последние два десятилетия завоевали киберпространство, акцентировав внимание на важности дифференциального подхода к проблемам контекста регионального, континентального, глобального. Особенно преуспели в его репрезентации нигерийцы, обладающие особым влиянием в мире гуманитарных знаний и *осознающие свою исключительность*. В их числе такие влиятельные персоны, как Воле Шойинка и Чинуа Ачебе, Чимаманда Нгози Адичи, Теджу Коул и Тойин Фалола, Нгуги Ва Тхионго и Биньяванга Вайнайна – основоположники современной *жанровой* традиции».

Ну вот, наконец-то, «жанровая традиция». Но это, собственно, и все. Это полный текст тезисов Т. М. Гавристовой из ЯрГУ им. П. Г. Демидова, город Ярославль, РФ, представленный на XV международной конференции в Институте Африки РАН в мае 2021 г. А вместе с этим текстом следуют тезисы ее учениц и последователей из Ярославля, Волгограда, Санкт-Петербурга, ну и из Москвы, конечно, где некоторые успешно работают в РАН, хотя и не знают, чем племя отличается от этноса. Некоторые из них конкретно ознакомили участников с эпохой «дигитализации» Африки и дали некоторое свое представление о «женском *сторителлинге*» как «*феминистском активизме*»... (Здорово, правда? А ведь без этого языкового изыска – ну просто никак!)

Не могу не заметить, что в плане всего происходящего на Западе, особенно в США, пристальное внимание к подобного рода образцам «африканского самосознания» конца XX – начала XXI в., на мой взгляд, да и не только, и образцам «афроцентризма» в целом, ставшим особо заметными даже в области религиоведения, небезынтересно в плане «самоценности черной жизни», к примеру, в США, где это, конечно, дело внутреннего мироустройства, имеющее, однако, немало «побочных реакций» в миропорядке в целом.

Ну а что касается текста тезисов самой Т. М. Гавристовой, то смею заметить и следующее, хотя и понимаю, что для некоторых путь к «звездности» через тернии – неизбежен и даже в общем-то характерен для тесного круга «революционеров» современной науки.

Ярославна хочет разговаривать на языке некоего «междусобойчика», претендующего на «коллаборацию с мировой наукой». Нет, я ничего не придумываю: именно в такой «парадигме» и работают, и докладывают научному сообществу теперь уже достаточно «продвинутые» востоковеды, африканисты и другие «регионалисты».

О термине этом – «междусобойчик» – я услышала недавно, в 2020 г., на своей секции на международной конференции в Институте мировой литературы РАН из уст молодой исследовательницы из Санкт-Петербурга, что-то невнятно повествовавшей о *литературе* одной из стран Африки, достаточно хорошо знакомой мне, но освещенной выступавшей в виде одного незначительного произведения. Однако это вообще давно уже (где-то после 1968 г.) стало принято на самом Западе. Неоднократно участвуя в заседаниях Ученых советов (из трех человек!) в Сорбонне, к примеру, или в Университете Вильтанеза (так называемая «Сорбонна-VI»), я поражалась тому, что можно знать один «текст» одного автора, не ведая о «контексте» (ни литературном, ни историческом), не утруждая себя знанием даже объема всего творчества того или иного писателя, но претендовать на звание «д-ра наук», по нашему – кандидата, и получить его, представив какие-то полупатетические или просто даже «визуальные» прочтения, в основном касающиеся структурообразующих или других формальных признаков произведения. «Образ мира, в слове явленный», оставался, как правило, «за текстом» или, в лучшем случае, некоей умело расшитой оболочкой изысканного словоблудия, отраженного на

большом экране с помощью работающего компьютера или планшета...

Результат, как правило, был одним и тем же, особенно если речь шла об авторах, у которых этноконфессиональные истоки – африканские, а язык, на котором они пишут, – европейский. Их, **безусловно**, располагали «в поле» – что естественно для такого рода «научных дискурсов» – именно той или **европейской** литературы. Яркий пример, более доступный, – не столь давно защищенная кандидатская диссертация в МГУ, написанная Н. Боруруевой, гражданкой Франции русского происхождения, исследовавшей творчество **двух** алжирских писателей по **одному** известному произведению, написанному, естественно, на французском.

Мне на этой защите (как и на давней защите Т. М. Гавристовой) пришлось выступать в качестве реального *оппонента*. И в случае с Н. Боруруевой мне ничего не оставалось делать, как только напомнить защищающейся о том, что *франкоязычие* (литературное!), к примеру, магрибинцев, да и других североафриканцев (и не только их, но и тропических тоже!) абсолютно **не означает** только принадлежность к мировой литературной франкофонии, но имеет и в своем истоке, и в своем русле еще и ту особую, *национальную* специфику, которая связана именно и с **историей личной**, и с **историей своей страны**, с социально-психологической и социально-культурной доминантой **своей** эпохи. Как и многие другие проявления европоязычия в Африке: и на ее Западе, и на Востоке, и на Севере, и на Юге. Все это изучено глубоко и многосторонне, и именно **нашей отечественной наукой**.

Но вот именно эту доминанту (как условие, необходимое и достаточное для выявления исторического и даже цивилизационного смысла определенной эпохи) никакой «*коллорационизм с мировой наукой*» определить не может, если исследователь не приложит собственные силы (или усилия) для освоения или познания того пространства, в котором предполагается работать или утверждать некие свои заявления.

Для этого надо прежде всего изучить смысл культурной доминанты *эпохи колониальной*. И это нелегко. А словосочетанию «*коллорационизм с мировой наукой*» я была немало удивлена на состоявшейся тоже недавно процедуре избрания нового директора Института востоковедения РАН, во время которой один весьма напористый претендент в своей программе именно так изложил

цель и задачи наших востоковедных исследований. На мой вопрос: «А разве наша отечественная наука – не часть мировой, не ее “составляющая”?» – уважаемый японист ответил весьма уклончиво, не вполне, видимо, поняв, почему у представителей моего поколения исследователей (а для этого понятия, как я отметила выше, есть хороший французский синоним **chercheurs** – *искатели*) слово «коллорабационизм» вызывает некую «негативную коннотацию», если прибегнуть к языку изложения своей программы этим претендентом...

И возвращаясь к заинтересовавшим меня тезисам Т. М. Гавристовой, да и концепции работы всей ее секции (хотя там и были редкие исключения из предложенных ею правил), где преобладает техника «дигитализации» и в изложении целей, хотелось бы отметить ряд очевидных неточностей в постижении образцов постколониального «дискурса». Учитывая краткость изложения такого постижения этой сферы, замечу, что трудно понять сегодня все еще догоняющий «мировую науку» тип научного мышления наших африканистов.

Прежде всего, почему он такой молодой, этот «постколониальный нарратив», и почему это он вдруг оказался столь привлекательным именно *на рубеже столетий* и особенно в начале XXI в.? Мы – отечественные историки, социологи, политологи, этнографы, культурологи, литературоведы и др. «регионалисты» – плотно занимались и занимаемся этим «нарративом» или даже «дискурсом» с *начала* эпохи борьбы за освобождение от колониализма в странах Азии и Африки (с севера до юга, с запада до востока этого континента), то есть с середины XX в. Кто-то по долгу своего образования, изучив языки стран Азии и Африки, кто-то в свете специализации по истории, политике, социологии (и даже психологии) народов этих стран, а кто-то и по призванию, будучи просто филологом, искусствоведом, музыковедом, религиоведом и т. д. широкого профиля, но имея должное образование, а кто-то – по обстоятельствам своего долгого пребывания в этих странах.

Я имею в виду именно значительный пласт отечественных африканистов и востоковедов, образовавшийся еще в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., развивавшийся и в 70-х, и в 80-х, и в 90-х гг. и т. д., и в это время (как и в настоящее!) было создано немало трудов, крупных научных работ, защищено разного рода диссертаций, свидетельствующих о профессионализме и о возможностях глубоко-

кого и реального знания отечественными учеными различных проявлений общественного развития в странах Азии и Африки. Уже с 60-х гг. в Институте Африки работал большой коллектив ученых, целый отдел культуры, а в Институте языкознания РАН образовалось подразделение филологов-африканистов, не говоря уже о нашем старейшем центре изучения стран Востока – ИВ РАН, где были исследователи и древности, и современности, и политики, и истории, и экономики, и искусства, и литературы, и языков практически всех стран Востока и Северной Африки. Сегодня здесь работают и культурологи, и даже те, кто изучает материальную и духовную культуру плато догонов (Тропическая Африка). К примеру, только в этом, 2021 г. в ИВ РАН издан объемный труд, работа над которым шла еще с 1992 г., а к этому времени уже активно изучалась именно *постколониальная эпоха* начиная с 1968 г., была продолжена коллегами в ИМЛИ РАН и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е гг., – в котором исследована и сама **причина** возникновения «постколониального нарратива», закономерная и **объективная**, как функция всей предшествующей колониальной истории². Но там есть целая большая глава, широко апробированная в многочисленных журнальных публикациях и посвященная именно проблеме необходимости защиты **самобытности как самостоятельности** в способе повествования североафриканцев *о себе* как **ответе**, причем *национальном*, на тот способ презентации образа Африки, который сложился у европейцев и даже тех, кто в Африке жил и родился. Но для этого надо знать, конечно, смысл или осмысление «колониальным нарративом» особенностей быта, традиций, религии и даже потенциальных возможностей (я уже не говорю о нелегком опыте завоеваний Африки и сопротивления африканцев). Усилиями и огромным научным трудом именно отечественной исследовательницы Н. Д. Ляховской (ИМЛИ им. Горького), этот «образ» – и Тропической, и Северной Африки – выявлен в ее фундаментальном исследовании о его эволюции в творчестве французов. А у Е. Л. Рязовой то же сделано в ее многочисленных трудах по португальскоязычной литературе в Африке и в самой метрополии, не говоря уже о трудах В. Н. Вавилова, С. П. Картузова, Н. Ю. Ильиной и мн. др. по англоязычным литературам Африки именно *постколониального*

² Прожогина, С. В. 2021. *Время не жить и время не умирать. Топос границы в творчестве франкоязычных магрибинцев XX–XXI вв.* М.

периода. Библиография трудов наших ученых находится в открытом доступе в отечественных библиотеках. Не забудьте и всеобъемлющее исследование Н. Д. Никифоровой об «африканском романе» (1978 г.!) и ее многочисленные выпуски коллективных трудов по истории, теории, жанрам, методам, стилям литературы стран Азии и Африки, а также наши совместные с чешскими, французскими и др. учеными работы по типологии межлитературных общностей, по проблемам «диалога» африканских писателей со своими европейскими предшественниками, во многом повлиявшего на создание абсолютно нового типа словесной культуры у народов этого континента... Я уже не говорю о вкладе в изучение Африки наших этнографов, историков искусства, религиоведов. Многие из них, работая в недрах Института Африки (а ему исполнилось 60 лет), пожертвовали не только своим давно признанным авторитетом в деле изучения проблем этнологии, всеобщей истории искусства Европы, к примеру, «перекинувшись» на Африку, но и жизнью (вспомним И. Потехина), отдав ее изучению этого континента не посредством «полета» над гнездом чужих знаний и цитат, а «прильнув» к самой африканской земле и ощутив биение ее пульса...

То, что не все «экспедиции» безопасны, теперь знают все или почти все, но я знаю точно на семейном опыте. Было время – и не думали об этом, но хотели сами и увидеть, и услышать, и собрать факты, и *увидеть* освобождение Африки, и познать все запахи и звуки этой земли. И до сих пор есть еще отважные «собиратели», которые и берут интервью, и подолгу работают, а если не могут попасть «в глубь Африки» – то уж точно пьют воду из ее *источников* – знают тексты, пратексты и контекст нынешней эпохи. Это – безусловно. Поэтому Т. М. Гавристова по-своему права, прибегнув к цитированию одного «хештега»: «Африка – это не страна». Так оно и есть, но это еще, помимо регионального и континентального «дифференциализма», и некое вдохновение и призвание, которое нельзя удовлетворять только совокупностью перечислений случайных внешних признаков, запечатленных «эпохой дигитализации»...

А что касается **автобиографии** – то это абсолютно субъективный, не вполне документально обоснованный, быть может, даже с привкусом некоего «анкетирования» текст, и уже абсолютно не замещающий работу «профессиональных историков». Мало ли кто

и при каких обстоятельствах рассказывает свою личную историю жизни (пусть он даже и очень крупный политический деятель). Важно в этой «личной истории» то, что может иметь «маркер» (как принято нынче изъясняться), или отметину, **типичности** индивидуального случая для других судеб или судьбы целого поколения. А вот *задача типизации* – это уже ЛИТЕРАТУРА с ее *биографическим жанром*. Но это – другая наука. И если некоторые не знают, в чем отличие автобиографии или «мемуаров» и биографического жанра, пусть почитают хотя бы такие «мега-» и «мета»тексты всемирного литературного и культурного процесса, как «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо или роман М. Пруста «В поисках утраченного времени» (да и его полемику с Сен-Бёвом по поводу необязательной «необходимости знания» автобиографии автора для суждения о реальности изображенного в художественном произведении). Не говорю уже о русских гигантах – Л. Толстом, М. Горьком, А. Толстом (с его «Детством Никиты») и т. д. и т. п., о тех, чьи «автобиографии» известны. Но именно их художественные книги – и Л. Толстого, и М. Горького – были мегатекстами своего времени. Хотя один – граф (как и А. Толстой), другой – пролетарий. Но написали о своем детстве, отрочестве и юности так, что стали и этно-, и социо-, и историко-, и политико-культурным свидетельством эпохи, поразительно отразив свой мир, но и типизировав его, и один стал «зеркалом Русской революции» (1905 г.), а другой – «буревестником», но уже «мировой», пролетарской... А что тогда сказать о таком «нарративе», как пушкинский «Евгений Онегин», который вообще признан – надеюсь, ни у кого нет сомнений? – «энциклопедией русской жизни», хотя автобиографического в нем, если точно, только «дядя самых честных правил», а остальное все – именно *типы* своей эпохи, и это главное. Так что автобиография не столько ни при чем, сколько не всегда повод для утверждения ее *типичности* и уже такого обобщения, как «нарратив эпохи»...

Литературоведение – наука, конечно, не естественная, но в точности формулировок все-таки нуждается.

Далее по секции Т. М. Гавристовой – везде и все неточно. Все эти «сторителлинги» (повести о жизни), безусловно, полезны, но лишь для констатации выражения или отражения в них не столько *своего* присутствия в окружающей реальности, своего взгляда на нее, но и ее характерных черт, имеющих смысл для объективного суждения о ней, а не только о своих в ней роли и месте. Не всякий

«сторителлинг» станет тем самым «малым жанром», в котором, как в капле, можно увидеть типизированную реальность, а не только потребность как-то включиться в процесс случайных изданий. Если привести в качестве яркого примера эволюции жанра «повестей о жизни» в мировом литературном процессе, то бурный расцвет таких повествований в 80–90-е гг. XX в. в среде «бёров» (франкоарабов), второго поколения североафриканцев, живущих во Франции, да и современной магрибинской новеллистики, связанной с автобиографией, это прежде всего особый способ не просто развития новеллистики, связанной с автобиографией, но и особый способ острого социального анализа, ставший развитием в «малом формате», как сегодня говорят, метода реализма – единственного основания для оценки важности или же особой значимости того или иного произведения, без учета его принадлежности к той или иной по своему «цвету» литературе или публицистике. В иммигрантских историях, к примеру, как в капле воды (или в «зеркале, стоящем на дороге жизни», как сказал бы Стендаль), отражение объективных условий так называемой *интеграции* на Западе, во Франции, и собственный взгляд на окружающую реальность, фиксирующий главное: африканцы, даже граждане (уже «по праву почвы», родившиеся там), будут вечно ощущать себя людьми «второсортными». Подтверждают это и историки, и политики, и культурологи, и религиоведы. Вам не хватает «современных профессионалов-историков» Африки, госпожа Гавристова? Странно, в «некоторых странах» они еще есть, и их немало. Я имею в виду не только своих коллег – востоковедов и африканистов. И они не только знают прошлое, но анализируют настоящее и даже прогнозируют будущее. Однако потрудитесь почитать и труды известных западных и не менее известных в мире восточных, североафриканских ученых, тунисцев, к примеру, – А. Мемми, воссоздавшего исторически значимые портреты Колонизатора, Колонизованного, Деколонизованного, или А. Меддеба, описавшего историю «эволюции» ислама вплоть до его превращения в орудие политического и физического терроризма, таких алжирцев, как Р. Буджедра, Б. Сансаль, А. Джеббар, запечатлевших реальную суть Фронта исламского спасения во время гражданской войны в Алжире в 90-е гг. XX в. Не говоря уже о глубоких социопсихологических исследованиях марокканца Т. Бенджеллуна, запечатлевшего исторический феномен эпохи гло-

бализации, итоги миграции африканцев на Запад, разрушительного процесса и для Африканского континента, и для самой Европы, как показывают «свежие» события последних лет и даже дней... Представить обширную библиографию этих крупных ученых-исследователей? Они ведь **профессионалы** по своей «научной специальности» и – пусть это не покажется вам странным – крупные писатели, отмеченные многочисленными премиями даже западного мира за свой вклад в мировой культурный процесс, ибо знают специфику и африканской, и западной реальности не понаслышке. Но это займет еще несколько страниц, а надо соблюдать жанр «заметок на полях»³.

Словом, держайте, Ярославны. Однако имейте в виду, что пути познания Африки и ее судеб в современном мире многотрудны, и на них, как и на любой дороге к Знанию, будут свои «камни преткновения» и «камни соблазна». Лучше первое. Заставит поразмышлять не о необходимости грантов, но об обращении к источникам знания. А так – только видимость пышнорастущей кроны деревьев, выросших как бы без корней. Именно поэтому многие никак не могут прервать свои блуждания по извилистым тропам «постмодернизма» даже в оценках сегодняшних политических явлений («цветных революций», к примеру). Стремление к «обновлению» было извечным. И «постмодернистские» классификации и оценки – только лишь удобные подпорки, чтобы не упасть на землю и увидеть то, что нам не хочется или мы не способны увидеть. Вот и появляются всякого рода научные «симулякры». Замещают знание неистинностью, да и просто своим стремлением быть похожим на кого-то...

В общем, если бы князь Игорь услышал плач своей любимой Ярославны на «постмодернистском» языке, то точно бы остался в плену у половцев...

Объект тревоги

Можно было бы, разумеется, не растекаться мыслью по древу, то есть не распространяться по причине столь малозначимой, как небольшие тезисы одного доклада. Но случай показателен в плане необходимости осознания границ разрушения всего того, что свя-

³ Нескромно порекомендую обратиться хотя бы к обширной библиографии в моем личном недавно вышедшем труде, указанном выше.

зано с родной речью и с отечественной наукой. Африканистикой – однозначно. Ведь это уже не первая демонстрация в Институте Африки протискивания и пробивания «постмодернистской» интерпретации «постколониального дискурса». Появившаяся там в 2020 г. «коллективная **монография**» под ответственным редактированием Т. М. Гавристовой с обобщающим названием «Африка – постколониальный дискурс» (конец XX – начало XXI в. – это уже не просто постколониальность, это реальность давно развивающихся национальных суверенитетов африканских государств, давно освободившихся от колониальной зависимости, но границы эпох – дело скорее политологов, а ответственный редактор – профессиональный историк) без стеснения утверждает свое неомессианство в понимании столь актуальной проблемы, как новое освоение (весьма запоздалое, увы!) Африки как континентального единства во всем многообразии. В предисловии, написанном руководителем этой затеи Т. М. Гавристовой, так прямо и сказано о том, что волнует главным образом нынешних африканистов из Ярославля: «Процессы африканизации (!) и деколонизации сопровождалась **повсеместно не просто развитием инфраструктуры (!)**, но и динамичным ростом численности учащейся молодежи и студенчества, что повлекло за собой накопление **некоей “критической массы” людей** (условно их можно назвать интеллектуалами), способных “взорвать”, казалось бы, привычную систему аккумуляции, накопления, тиражирования, распространения знаний (выделено мной. – С. П.)».

Так зачем же тиражировать знания заблудших в дебри собственной «африканизации»? Или не ведает коллектив авторов об уже состоявшихся печальных итогах этих блужданий, хотя бы после 2011 г., ни к чему и никуда не приведших бунтов так называемых «цветных революций» (от Туниса до Египта, далее по Магрибу и Машрику и за пределами уже Ближнего Востока – где ни придется)? Но ведь главное – «деконструкция» сложившихся в постколониальную эпоху систем, пытающихся спасти доставшуюся от колониальной эпохи инфраструктуру и построить (не без помощи китайских молодцов) новую, постколониальную. И оповещая научную общественность, видимо, не знающую **реальности** современной Африки об образцах этих бесконечно длящихся не только в новейшей истории Африки, но и повсюду в мире попыток что-то свергнуть, сломать, разрушить, развеять по ветру (без всяких кон-

структивных планов или «креативных» идей), Т. М. Гавристова с коллегами продолжают в **своих** исследованиях опираться на методологию этого деконструктивизма в его неомодернистском и постструктуралистском ключе, уже давно проржавевшем от бесконечных попыток «оестественнить» гуманитарное знание. «...Первые опыты борьбы (или конфронтации), которая проявлялась прежде всего в отношении колониального прошлого» («Конфронтация»! Знала бы автор предисловия, что это такое – национально-освободительная борьба! Пусть спросит очевидцев. – С. П.), со временем **тексты** стали более «гетеролингвистическими и мультикультуралистскими» (вот именно – просто стали «текстами», разрушив и целеполагание, и смыслоозначение. – С. П.). Ученые задумались, – продолжает Т. М. Гавристова, – об обновляющихся ценностях «инноваций, эмансипации, прогресса», встав на путь освоения «новой реальности: прерывистой, фрагментарной, архипелажной, модулированной, – и новых интенций». Понятно. Очень. Раз «ученые», замечу я, встали, то и нам, видимо, необходимо. Вот кто-то просто «архипелажничают», а кто-то настойчиво сидит на этом методе «освоения новой реальности», которая является просто-напросто иллюзией замещения реальной жизни со всей необходимой для нее ответственностью человека за «переделку» мира. Блуждающие по дорогам такой свободы, как правило, изменяют и своим «интенциям» вечного «бунта», придя к утверждению абсурдности самого бытия, – А. Камю, к примеру, или Ж.-П. Сартр, не пришедший на баррикады французского мая 1968 г., когда восстали студенты, созданные философом на «борьбу за просто Свободу» с требованиями удовлетворения своих желаний «здесь и сейчас». Не вышло. Не было **конструктивной** цели.

Но почему же именно такие бесплодные усилия бессмысленных «интеллектуальных» игр и «инноваций» (или, как выразился один уважаемый востоковед, «инновативности»), бесконечных по определению, не просто привлекли к себе внимание, но и стали способом активно навязываемого представления о смысле постколониальной эпохи, длящейся во времени «новой реальности», не связанной ни с корнями, ни со смыслом **антиколониального противостояния** как такового? Да все потому же: «Очевидной казалось, – продолжает автор предисловия и составитель коллективного труда, – однонаправленность потенциального содержания и этого “постколониального дискурса”». Вот и занимались бы «этой

очевидностью» в «трансмутации», как говорят постмодернисты, ее давно «отложенного смысла». Нет. Отдавая должное трудам отечественных африканистов, Т. М. Гавристов, совершая попытку объяснения «онтологического» и «экзистенциального» смысла «постколониального дискурса», разрабатывает в основном «терминологический ряд» основоположников изучения «новой реальности» (все – сплошь западного подлечения) и определение «главных трендов в развитии интеллектуальной, персональной, гендерной, «цифровой» истории Африки и «африканской диаспоры». Все было бы неплохо, однако смысл воздвижения каркаса терминологических подпорок оправдан избавлением от давно давившего многих ученых (и здесь, и там) груза «марксистско-ленинской идеологии», как замечает Т. М. Гавристов. Да уж, идеологический груз нелегок. Но не имея его вообще, решительно отказываясь от всего «наследия прошлого», и в России ученые «спустя десятилетия», как пишет автор предисловия, вернулись на тридцать лет назад к вполне идеологизированному наследию 30-х гг. в лице известного Э. Саида, автора «Ориентализма». Но это – уже особый «дискурс». Естественно, к постколониальной современности не относящийся. Но крайности сходятся. Отказ от тугого корсета идеологии приводит к многотерпению груза каркаса терминологического (каскад имен отцов-основателей этой терминологии в предисловии Т. М. Гавристовой может уже сам по себе стать разрушающим, – надо же как-то и выбрать что-то...). Но и выбор своего метода, своих исследований Т. М. Гавристовой, судя по всему, определяется предлагаемой особой постмодернистской парадигмой. Уж слишком вкусны, видимо, эти давно уже подсыхающие «пенки» с чужих «сливок» гуманитарного знания в лице З. Фрейда, М. Фуко, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж. Лакана, Ю. Кристевой и прочих, стоявших у истоков и продолживших эволюцию «дефиниций и коннотаций» постколониального дискурса, представленную в коллективной монографии. Но зачем же так много именно о нем, столь дорогим и близком? А вот зачем. «Формат исследования, – пишет Т. М. Гавристов в своем предисловии, – позволяет рассматривать **ВЕСЬ СПЛАВ (!)** теоретических и конкретно-исторических **материалов** как “постколониальную библиотеку” – корпус нарративов, тематически связанных с вопросами деколонизации, а также с аккумулярованием, реконструкцией и ретрансляцией положений основоположников постколониального дискурса». Вот так. Библио-

тека. А как же «археология знаний»? И есть ли в Вашей «библиотеке» – не электронной – хотя бы одна книга **ОСНОВОположников** борьбы с колониализмом в Африке? Если нет, не занимайтесь реконструкцией, а просто отреставрируйте старые и надежные ориентиры в борьбе не за «новую реальность», а просто за освобождение Африки, в том числе и представлений о ней из своего уютного кабинета. Или даже из «башни из слоновой кости» (помните лозунг движения «Искусство для искусства»? Или забыли, что это лишь склад уже сделавших свое дело слоновых бивней?).

Парадоксы глобализации различны, но есть нечто общее: не все же делается мигрантами или растворяются в иллюзорной амальгаме космополитизма или мультикультурализма. Происходят и обратные процессы, связанные с неизбежностью попыток самосохранения, охранения самобытности как самосущности, способности своей удержаться не только от обезличивания, но и от соблазна полной зависимости от все наступающей волны дегуманизации «цифровой» цивилизации. Сила ее – в неизбежности прогресса технологий, но и негативные последствия или «побочные реакции» неизбежны также. Кому-то все равно, кто-то чувствует себя даже комфортно, – «здесь и сейчас» все доступно, в избытке уже и хлеба, и зрелищ. Однако возьмемся за руки, друзья. Да и включим не компьютер, а просто свои мозги, пока не разучимся общаться онлайн, видеть друг друга по скайпу, слать эсэмэски друг другу, даже сидя за праздничным столом (я это наблюдала в одной парижской семье на рождественском ужине), стало, увы, привычным, как и говорить аббревиатурами, порой в избытке изливающимися из уст «креативных менеджеров». Но человеческий голос пока еще не перешел в собачий лай или просто вой, хотя признаки этого время от времени намечаются. Однако время скоротечно. И если еще остается возможность поговорить *откровенно* (надеясь на то, что еще может «душа с душой говорить»), то будем и говорить, и думать на языке как голосе страны, где ты живешь. Так и надежнее, и нормальнее.